

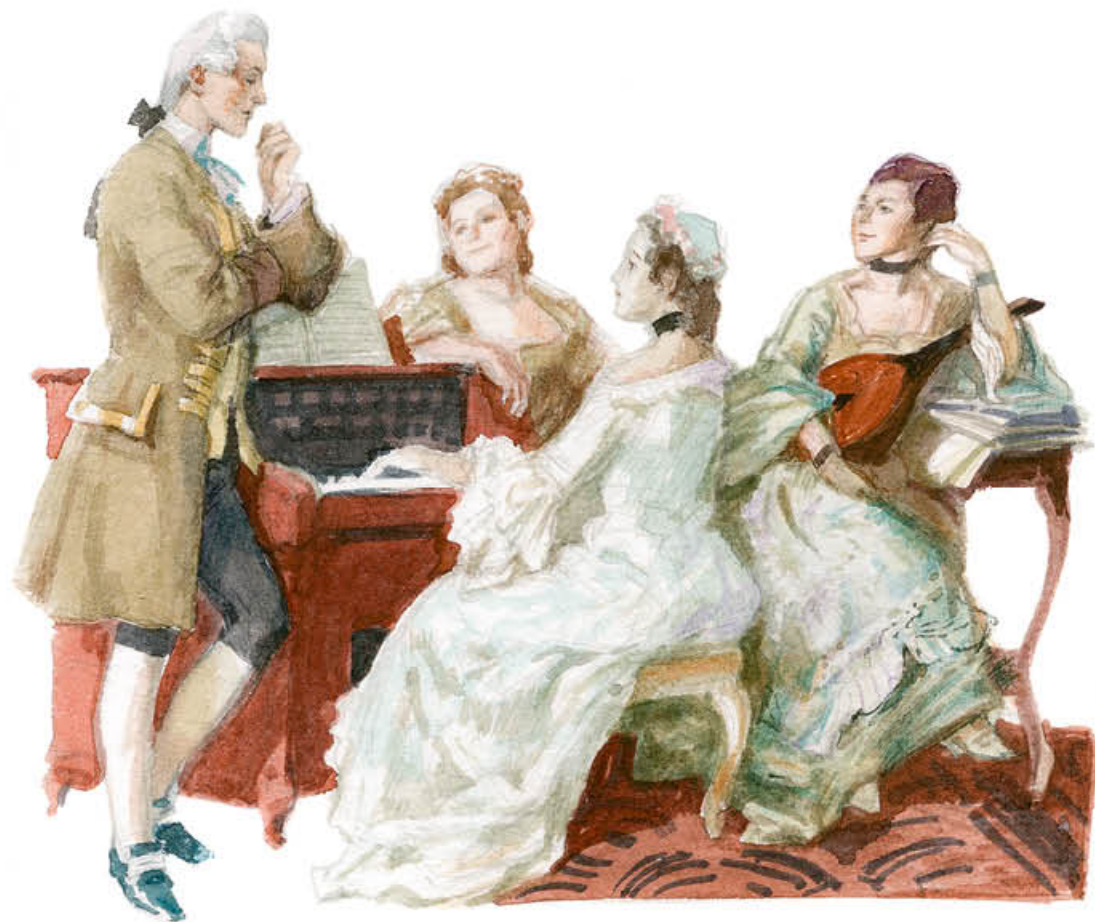
шотландских и итальянских мелодий. Это придало мне немного развязности, и, припомнив мотив, которому Алан научил меня в пещере близ Карридена, я решился даже просвистеть один или два такта и спросить, знает ли она его.

Она покачала головой.

— Никогда не слыхала, — отвечала она. — Просвистите-ка его до конца... Повторите ещё раз, — прибавила она, когда я просвистел.

Она подобрала мотив на клавикордах; сейчас же, к моему удивлению, украсила его звучным аккомпанементом и, играя, стала петь с очень комичным выражением и настоящим шотландским акцентом:

*Разве я неверно подобрала вам мотив,
Не та ли это песня, что вы просвистели?*

— Видите ли, — прибавила она, — я умею сочинять и слова, только они у меня не рифмуются. — Потом продолжала:

*Я мисс Грант, адвоката дочь.
Вы, кажется, Давид Бальфур?*

Я сказал ей, что поражён её талантом.

— Как называется ваша песня? — спросила она.

— Я не знаю её настоящего названия, — отвечал я, — и называю её «Песнью Алана».

Она взглянула мне прямо в лицо.

— Я буду называть её «Песнью Давида», — сказала она. — Впрочем, если песни, которые ваш израильский тёзка играл Саулу, хоть немного

Я говорил беспорядочно, отрывистыми фразами. Когда же я умолк, то увидел, что она глядит на меня испуганными глазами.

— Гленур! Это ашпинское убийство, — сказала она тихо, но с большим удивлением.

Провожая её, я повернул обратно, и теперь мы приближались к вершине холма над деревней Дин. При её словах я как вкопанный остановился против неё.

— Боже мой, — воскликнул я, — боже мой, что я наделал! — и схватился рукою за виски. — Как мог я сделать это? Я, должно быть, обезумел, если говорю подобные вещи!

— Ради бога, что с вами случилось? — воскликнула она.

— Я дал слово, — простонал я, — я дал слово и вот... не сдержал его. О Катриона!

— Скажите мне, в чём дело? — спросила она. — Вы это не должны были говорить? Вы думаете, может быть, что у меня нет чести, что я выдам друга? Смотрите, я поднимаю правую руку и клянусь вам, что буду молчать!

— О, я знаю, что вы сдержите клятву, — возразил я, — но я! Ещё сегодня утром я стоял перед ними и смело переносил их взгляды. Я предпочитал умереть позорной смертью на виселице, чем поступить нечестно, а через несколько часов в обыкновенном разговоре на большой дороге нарушаю своё обещание! «Из нашего разговора мне ясно видно, — сказал адвокат, — что могу положиться на ваше честное слово!» Где теперь моё слово? Кто мне теперь поверит? Вы не можете верить мне. Я совсем упал в ваших глазах. Нет, лучше умереть! — Всё это я проговорил плачущим голосом, хотя слёз у меня не было.

— Мне больно за вас, — сказала Катриона, — но, право, вы слишком совестливы. Вы говорите, что я не поверю вам. Да я бы вам во всём доверилась! Что же касается этих людей, то я и думать о них не хочу! Ведь они хотят поймать вас в ловушку и уничтожить! Фи! Теперь не время унижаться! Поднимите голову! Я буду восторгаться вами, как героем, вами, мальчиком почти одних лет со мною! Стоит ли придавать такое значение нескольким лишним словам, сказанным другу, который скорее умрёт, чем выдаст вас!

— Катриона, — спросил я, глядя на неё исподлобья, — правда это? Вы бы доверились мне?

— Неужели вы не верите моим словам? — воскликнула она. — Я чрезвычайно высокого мнения о вас, мистер Давид Бальфур. Пускай вас повесят. Я вас никогда не забуду, я состарюсь и всё буду помнить вас. Мне кажется, что в такой смерти есть что-то великое. Я буду завидовать тому, что вас повесили!

— А может быть, меня запугали как ребёнка? — сказал я. — Они, может быть, только смеются надо мной.

— Это мне нужно знать, — ответила она, — я должна знать всё. Ошибка, во всяком случае, уже сделана. А теперь расскажите мне всё.

Я сел на краю дороги, она опустилась рядом со мной. Я рассказал ей всё дело почти так, как написал здесь, пропустив только свои соображения о поведении её отца.

— Что с вами? — закричал лейтенант и внезапным выпадом выбил шпагу из моих рук, отбросив её далеко в камыши.

Этот манёвр он повторил трижды. Когда я на третий раз принёс обратно своё опозоренное оружие, я увидел, что он вложил свою шпагу в ножны и ожидал меня с сердитым видом, засунув руки за борт мундира.

— Будь я проклят, если дотронусь до вас! — воскликнул он и с горечью осведомился, какое я имею право выходить на дуэль с «шентльменом», если не умею отличать острую сторону шпаги от тупой.

Я отвечал, что в этом виновато моё воспитание, и спросил, признаёт ли он, что я, приняв его вызов, дал ему удовлетворение и что в трусости он меня не может упрекнуть.

— Это правда, — сказал он, — я сам храбр как лев. Но стоять, как вы, ничего не понимая в фехтовании, — уверяю вас, я не способен на подобное дело. Я очень сожалею, что ударил вас, хотя, мне кажется, вы ударили меня ещё сильнее: у меня до сих пор трещит голова. Если бы я только знал, как обстоит дело, то, уверяю вас, не согласился бы на подобную штуку.

— Хорошо сказано, — отвечал я. — Я уверен, что вы не захотите во второй раз действовать по наущению моих личных врагов.

— Разумеется, нет, Пальфур, — сказал он. — Мне кажется, что и со мной поступили нехорошо, заставив сражаться со старой бабой или, что всё равно, с малым ребёнком! Я это скажу Ловату и, ей-богу, вызову его самого!

— Если бы вы знали, в чём причина моей ссоры с мистером Симоном, — сказал я, — вы были бы ещё более возмущены тем, что вас вмешивают в подобные дела.

Он поклялся, что верит этому, потому что все Ловаты испечены из одной муки, которую молот сам дьявол. Затем он вдруг пожал мне руку и объявил, что я всё-таки порядочный малый, но только жаль, что моё воспитание так запущено, и, что если у него будет время, он сам позаботится о нём.

— Вы можете оказать мне гораздо большую услугу, — сказал я и на вопрос, в чём она состоит, прибавил: — Пойдёмте вместе со мной к одному из моих врагов и удостоверьте, как я вёл себя сегодня. Это будет настоящей услугой. Хотя мистер Симон на первый раз и прислал мне любезного противника, но в мыслях у него было убийство. Он пошлёт другого, за другим — третьего. А так как вы видели моё умение обращаться с холодным оружием, то сами можете судить, каков будет результат.

— Мне бы тоже это не понравилось, если бы я сражался на шпагах вроде вас! — воскликнул он. — Но я помогу вам, Пальфур. Ведите!

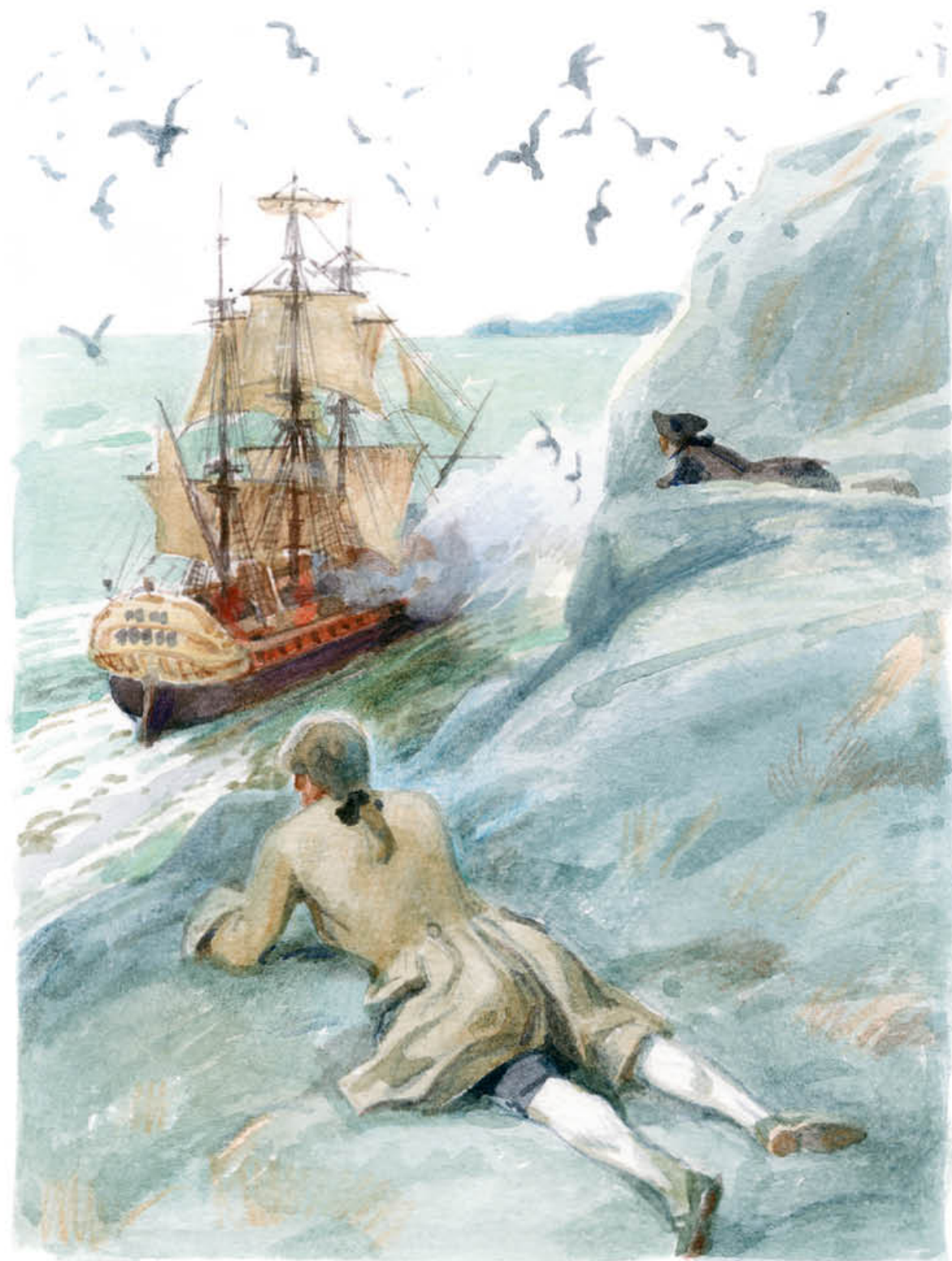
Если, направляясь в этот проклятый парк, я шёл медленно, то на обратном пути мои ноги несли меня очень быстро. Помню, что я ощущал сильную жажду, по дороге напился у колодца святой Маргариты и что

морской капитан, то дело станет общеизвестным, а может быть, случится и ещё худшее.

Я был один, не мог, как Алан, защищаться против стольких людей и знал, что сопротивление ни в коем случае не улучшит моего положения. Приняв всё это во внимание, я дал слово Энди, что буду слушать его и хорошо вести себя, и мы все отправились на вершину скалы, где легли в разных местах у края утёса, прячась и наблюдая. «Морской конь» шёл всё прямо, я уже думал, что он ударится о скалу, и мы, глядя вниз, видели матросов на вахте и слышали, как лотовой кричал у лота. Вдруг корабль повернул и дал залп, не знаю из скольких ружей. От грома этого залпа сотряслась скала, дым разостлался над нашими головами, и бакланы поднялись в невероятном количестве. Чрезвычайно любопытно было слышать их крик и видеть мелькание их крыльев, и я думаю, что капитан Паллизер подошёл уже так близко к Бассу единственно ради этого ребяческого удовольствия. Со временем ему пришлось дорого расплатиться за это. Когда судно приблизилось, я заметил его снасти, по которым впоследствии мог отличить его за несколько миль. Провидение помогло мне этим способом отвлечь от моего друга большое несчастье и нанести чувствительный удар самому капитану Паллизеру.

Всё время моего пребывания на утёсе мы очень хорошо жили. У нас были эль, водка и овсяная мука, из которой утром и вечером мы приготавливали кашу. По временам из Кастлетона приезжала лодка, привозившая нам четверть барана. Мы не смели трогать овец на скале, которых откармливали специально для рынка. Охота на бакланов, к сожалению, была не по сезону, так что мы их не трогали. Мы сами ловили рыбу, но чаще заставляли бакланов ловить её для нас: когда мы видели, что какая-нибудь птица поймала добычу, мы отнимали её, прежде чем птица успевала её проглотить.

Своеобразная природа этого места, остатки старины, которыми оно изобиловало, занимали и интересовали меня. Так как бегство было невозможно, мне предоставили полную свободу, и я исследовал территорию острова везде, где только возможно было ступить ноге человеческой. Здесь оставались ещё следы прежнего тюремного сада, в котором дико росли цветы и огородные овощи, а на маленьком дереве висело несколько спелых вишен. Немного ниже находилась часовня или келья

Весь обратный путь я плакал, и меня лихорадило от ужаса. Взрослые чувствовали себя немногим лучше, и в лодке Сэнди мало говорили, а только призывали имя Божие. А когда мы подошли к молу, то увидели, что все скалы вокруг пристани усеяны поджидавшими нас людьми. Оказалось, что они нашли Лапрайка в припадке, он улыбался и держал в руках челнок. Послали мальчика поднять флаг, а остальные остались в доме ткача. Можете быть уверены, что им это не доставляло ни малейшего удовольствия; они стояли и тихо молились — никто не хотел молиться громко, — глядя на эту страшную фигуру. Вдруг Тод с ужасным криком вскочил на ноги и, истекая кровью, упал замертво на станок.

При осмотре трупа обнаружили, что свинцовая дробь не проникла в тело колдуна — с трудом нашли одну дробинку. Но у самого его сердца оказалась серебряная монета деда.

Не успел Энди кончить, как случилось чрезвычайно глупое происшествие, не оставшееся без последствий.

Нэйль, как я говорил уже, сам был рассказчиком. Я впоследствии слышал, что он знал все гайлэндские легенды. Он очень много мнил о себе, и другие привыкли высоко ставить его. Рассказ Энди напомнил ему другой, который он прежде слышал.

— Я уже знал этот рассказ, — сказал он. — Это рассказ об Уистине Море Макджилли Фадриге и о Гавре Воре.

— Это совсем не то! — воскликнул Энди. — Это история моего отца, теперь покойного, и Тода Лапрайка. Заруби это себе на носу, — прибавил он, — и держи язык за зубами.

Известно, и это подтверждено историческими данными, что лоулэндские дворяне прекрасно ладят с гайлэндерами; к сожалению, это вряд ли можно сказать про лоулэндских простолюдинов. Я уже раньше замечал, что Энди постоянно готов был ссориться с нашими тремя Макгрегорами, а теперь стало ясно, что столкновение между ними неизбежно.

— Такие слова не говорят джентльменам, — сказал Нэйль.

— «Джентльменам»! — воскликнул Энди. — Какие вы джентльмены, гайлэндская сволочь! Если бы вы могли видеть себя так же, как вас видят другие, то вы отказались бы от своей спеси.

лись только верхушки труб, а на поверхности воды, где лежал туман, ничего не было видно. Мне вдруг послышался плеск вёсел, а вскоре, точно из дыма костра, появилась лодка. На корме неподвижно сидел закутанный в тёплую одежду человек, а рядом с ним высокая красивая девушка, при виде которой у меня чуть не остановилось сердце. Я едва успел прийти в себя, как она ступила на палубу, и я встретил её с улыбкой и поклоном, который теперь у меня получился гораздо изящнее, чем несколько месяцев назад, когда мы впервые увиделись с ней. Не было сомнения, что оба мы значительно изменились: она, казалось, выросла, как молодое, красивое деревцо. В ней появилась какая-то милая застенчивость, которая очень шла к ней, точно она смотрела теперь на себя со стороны и стала более женственной. Было ясно, что нас обоих коснулась одна и та же волшебная палочка. И если мисс Грант только одного из нас сумела сделать красивее, зато она обоих сделала изящнее.

Мы оба одновременно вскрикнули: каждый из нас подумал, что другой приехал, чтобы попрощаться. И вдруг мы поняли, что едем вместе.

— О, зачем Беби не сказала мне этого! — воскликнула она и тут же вспомнила о письме, которое ей было дано с условием вскрыть его только на корабле.

Письмо это, адресованное мне, было следующего содержания:

Дорогой Дэви, как вы находите мой прощальный сюрприз? Как вам нравится ваша спутница? Поцеловали вы её или сделали ей предложение? Я хотела уже остановиться здесь, но тогда смысл моего вопроса остался бы непонятным. Что касается лично меня, то ответ мне известен. Итак, примите хороший совет: не будьте слишком застенчивы и, ради бога, не пробуйте быть слишком смелым — ничего не может более повредить вам. Остаюсь вашим любящим другом и наставницей

Барбарой Грант.

Я написал несколько слов на листке, вырванном из моей записной книжки. Вместе с запиской от Катрионы я вложил моё ответное письмо в конверт и, запечатав его моей новой печатью с гербом Бальфуров, отправил со слугой Престонгрэнджа, который всё ещё ждал меня в лодке.

— Я поеду на берег с молодой леди, капитан Сэнг, — сказал я. — Мне всё равно, каким путём отправиться в Лейден.

И с этими словами я прыгнул в лодку, но не сумел сделать это особенно изящно и вместе с обоими рыбаками упал на дно.

Из лодки всё казалось ещё более страшным, чем с корабля. Он стоял высоко над нами, беспрестанно нырял и своим балансированием всё время угрожал нам. Я начинал думать, что сделал глупость, потому что Катриона не сможет спуститься ко мне в лодку и мне придётся одному высадиться на берег в Гельвуте без надежды на иную награду, чем объятия Джемса Мора, если бы я пожелал их. Но, подумав так, я не принимал во внимание храбрость девушки. Она видела, что я прыгнул без видимого колебания, хотя на деле я очень боялся. Понятно, что она не позволила превзойти себя своему оставленному другу! Она поднялась на борт, придерживаясь за трос. Ветер поддувал её юбки, отчего предприятие становилось ещё более опасным, и показал нам её чулки немного выше, чем то сочли бы приличным в городе. Она не теряла ни минуты, и если бы кто и пожелал помешать ей, то не успел бы. Я же стоял в лодке, раскрыв объятия. Корабль опустился к нам, кормчий приблизил свою лодку ближе, чем, может быть, было безопасно, и Катриона прыгнула в воздух. Я был счастлив, что подхватил её и при помощи рыбаков избежал падения. Она с минуту крепко держалась за меня, дыша быстро и глубоко; потом — она всё ещё держалась за меня обеими руками — кормчий провёл нас на места, и при рукоплесканиях и прощальных криках капитана Сэнга, экипажа и пассажиров наша лодка направилась к берегу.

Как только Катриона пришла в себя, она, не говоря ни слова, отняла свои руки. Я тоже молчал. Свист ветра и шум волн не благоприятствовали разговорам. Хотя наши гребцы работали очень усердно, мы подвигались медленно, так что «Роза» успела сняться с якоря и уйти, прежде чем мы вошли в гавань.

Не успели мы очутиться в спокойной воде, как кормчий, по безобразному голландскому обычаю, остановил лодку и потребовал плату за проезд. Он спрашивал по два гульдена с каждого пассажира (между тремя и четырьмя английскими шиллингами). Но тут Катриона в большом волнении закричала. Она уверяла, что капитан Сэнг сказал ей, будто проезд стоит один английский шиллинг. «Неужели вы думаете,

– Вы вправду целовали её? – спросила она.

Я почувствовал такое сильное изумление, что был потрясён.

– Мисс Грант? – воскликнул я растерянно. – Да, я попросил её поцеловать меня на прощание, что она и сделала.

– Ну что ж, – сказала она, – во всяком случае, вы и меня тоже поцеловали.

Эти странные и милые слова объяснили мне, в чём дело. Я встал сам и поставил её на ноги.

– Не годится так говорить, – сказал я, – это невозможно, совсем невозможно! О Кэтрин, Кэтрин!

Последовала пауза, во время которой я не был в состоянии произнести ни слова.

– Ложитесь спать, – наконец сказал я. – Ложитесь спать и оставьте меня.

Она повернулась, послушная, как ребёнок, и вскоре остановилась уже в самых дверях.

– Спокойной ночи, Дэви! – сказала она.

– Спокойной ночи, дорогая моя! – воскликнул я, в страстном порыве схватил её снова и прижал к себе так, что, казалось, мог сломать её. Через минуту я вытолкнул её из комнаты, с силою захлопнул дверь и остался один.

Слово вырвалось, наконец правда была сказана. Я, как вор, вкрался в душу молодой девушки. Она, слабое, невинное создание, была теперь совершенно в моей власти. Какое мне оставалось средство защиты? Точно символом было то, что Гейнексиус, мой прежний защитник, сожжён. Я раскаивался, но между тем в душе не мог порицать себя за эту большую ошибку. Мне казалось невозможным сопротивляться её наивной смелости или последнему испытанию – её слезам. Но все эти извинения делали мой грех ещё значительнее: девушка была так беззащитна, а положение моё представляло столько преимуществ!

Что теперь будет с нами? Мне казалось, что нам нельзя больше оставаться в одной квартире. Но куда мне уйти? Куда уйти ей? Не по нашему выбору и не по нашей вине жизнь заключила нас вместе в это тесное жилище. У меня появилась дикая мысль немедленно жениться на ней, но я тут же с негодованием отвергнул эту мысль: она была ещё дитя,

Не знаю, сколько времени мы бы ещё находились в таком состоянии, забыв обо всём на свете, кроме самих себя, если бы я случайно не заговорил об её отце. Это возвратило нас к действительности.

— Мой маленький друг, — повторял я, находя удовольствие этими словами напоминать о прошедшем, — мой маленький друг, вы теперь совсем моя, навсегда моя, мой маленький друг, вы совсем не принадлежите больше этому человеку.

Вдруг лицо её страшно побледнело, и она отняла у меня руки.

— Дэви, заберите меня от него! — воскликнула она. — Здесь творится что-то неладное: он нечестен. Я знаю: случится что-то дурное. Я чувствую ужасный страх в душе. Какие у него могут быть дела с королевским судом? Что написано тут? — и она показала мне письмо. — Я предчувствую, что здесь кроется что-то дурное для Алана. Откройте его, Дэви, откройте и прочтите.

Я взял письмо, посмотрел и покачал головой.

— Нет, — сказал я, — я не способен на это: я не могу открывать чужие письма.

— Даже для того, чтобы спасти друга?! — воскликнула она.

— Не могу сказать, — отвечал я. — Думаю, что нет. Если б я только знал наверное!

— Вам стоит только сломать печать! — сказала она.

— Знаю, — сказал я, — но я не могу этого сделать.

— Дайте письмо сюда, — попросила она, — я сама открою его.

— И вам этого делать нельзя, — сказал я, — вам в особенности. Это письмо имеет отношение к вашему отцу и к его чести, дорогая, в которой оба мы сомневаемся. Разумеется, это место опасное, за нами, может быть, следят с английского судна, а тут ещё и это письмо к вашему отцу, и офицер, который остался на берегу! Он, вероятно, не один, с ним должны быть и другие. Да, без сомнения, письмо следует открыть, но только открыть его должны не вы и не я.

Меня уже начинал одолевать страх и предчувствие скрытой опасности, когда я увидел Алана, одиноко шедшего среди песчаных холмов. На нём был мундир, придававший ему очень изящный вид, но я содрогнулся при мысли, как мало этот мундир сможет помочь ему, когда его

точно во сне. Вдруг посреди драки я услышал громкий крик на лестнице, и Катриона одним прыжком очутилась перед отцом. В ту же минуту остриё моей шпаги воткнулось во что-то мягкое. Когда я вытащил шпагу, на ней была кровь, так же как и на платке девушки. Я остановился в отчаянии.

— Вы хотите его убить у меня на глазах? Ведь я всё-таки его дочь! — воскликнула она.

— Я покончил с ним счёты, милая моя, — сказал Алан и сел на стол, скрестив руки и держа в руке обнажённую шпагу.

Она некоторое время стояла задыхаясь, с широко открытыми глазами, затем быстро обернулась к отцу и взглянула ему в лицо.

— Вон! — закричала она. — Я не могу видеть вашего позора, оставьте меня с честными людьми. Я дочь Альпина! Вон отсюда, позор Альпина!

Она произнесла это с таким жаром, что я пришёл в себя после ужаса, в который меня повергла моя окровавленная шпага. Оба они стояли друг против друга: она с красным пятном на косынке, он же бледный как полотно. Я хорошо знал его и понимал, что слова её должны были поразить его в самое сердце. Однако он принял вызывающий вид.

— Что же, — сказал он, вкладывая шпагу в ножны, хотя всё ещё не спуская глаз с Алана, — если спор окончен, то я только возьму свой чемодан...

— Никто не увезёт отсюда чемодана, кроме меня, — сказал Алан.

— Сэр! — воскликнул Джемс.

— Джемс Мор, — сказал Алан, — эта леди, ваша дочь, выходит замуж за моего друга Дэви, и потому я позволяю вам убраться живым. Но послушайте моего совета: не попадайтесь мне на глаза и не сердите меня. Что бы вы ни думали, но есть границы и моему терпению.

— Чёрт возьми, сэр, но там мои деньги! — воскликнул Джемс.

— Мне очень жаль, сэр, — отвечал Алан с забавной гримасой, — но, видите ли, теперь они принадлежат мне, — затем прибавил серьёзно: — Слышите, Джемс Мор, уходите из этого дома!

Джемс, казалось, с минуту соображал, но, вероятно, он не захотел более испытывать на себе шпагу Алана, потому что вдруг снял шляпу и с видом осуждённого, поочерёдно попрощавшись с каждым из нас, ушёл.

В то же время я почувствовал, что как будто чары рушились.

